

Речь А. Я. Вышинского на заседании первого комитета 25 октября 1947 года

1. Южно-Африканский Союз — родина нефашизма

Мне приходится отвечать пелому ряду ораторов, каждый из которых заслуживает большого или меньшего внимания с точки зрения исторической справедливости, с точки зрения установления истины, с точки зрения опровержения тех или иных неправдивых сообщений или искажений, с точки зрения борьбы с теми силами течениями, которые были проявлены некоторыми из наших оппонентов, выступавших здесь против советской резолюции, призывающей к борьбе с пропагандой и поджигателями новой войны.

Я вступил по порядку. Здесь выступал со всей возможной экспрессией министр юстиции Южно-Африканского Союза Лоуренс. На мой взгляд, он выступал весьма странно, впрочем, не только он один допускал такие странности. Допускаются они и некоторыми другими, в частности моим соседом справа г-ном Макнейлом. Я таким образом нахожусь в окружении удивляющихся людей. Удивляются они — удивляются другой. Чему они удивляются? Они удивляются тому, видите ли, что, как сказал Лоуренс, я не включил его страны (а я вообще ни одной страны не включил, а включал только определенных представителей реакционных кругов) в число поджигателей войны. Говорят о поджигателях войны, я имел в виду те реакционные круги, те монополистические объединения и те политические группировки, которые ведут пропаганду войны, примеры чего я уже не раз называл.

Лоуренс удивляется, почему же это он не попал в это число. Но если будут такие факты, которые говорят о том, что он заслуживает включения в эту категорию, я общою ому это выполнить самым добросовестным образом.

Удивляются и г-н Макнейл. Я думаю, что мой ответ на это Лоуренсу есть ответ направо Макнейлу. Кстати, должен сказать, что я тоже, в свою очередь, удивлен. Когда я называю поджигателей войны по именам и привожу факты, то на меня начинают нападать, начинают обвинять, почему я так делаю. Но когда я не называю кого-нибудь из тех, настроение которых, очевидно, само говорит за себя, по имени или крылатою выражением: «кто молчит, тот кричит», то они меня начинают обвинять в том, почему я о них именно не сказал.

Но вот Лоуренс начал давать какие-то справки, касающиеся СССР и советской внутренней политики. Должен сказать, что Лоуренс слишком далеко зашел. Очевидно, это как-раз пример тех хороших манер, о которых он говорил и которые определяют южно-африканскую дипломатию. Лоуренс назвал книгу, которую он, вероятно, не успел даже прочитать, потому что то, что он сказал, он сказал не на основании знакомства с этой пасквильной книжкой, а из интуиции, пошленной на обоняние этой книжки. Ну, конечно, очень легко распираться со страной, которая омыта в этой книге, путем шпигування выписок из обложки, и представлять все это так, как будто бы действительно сообщено что-то такое важное и сенсационное. Но вы, г-н Лоуренс, не испытывайте как следует в тот истинный, из которого вы так охотно уталяли свою жадную клевету на Советский Союз.

А что это за источники? Что это за книга? Это книга, которая, в сущности говоря, представляет собою собрание всяких гнуснейших пасквилей относительно принудительного труда, якобы существующего в Советском Союзе, где рассказываются всякие совершенно невероятные вещи и дикие выдумки. Например, говорится о том, что в Советском Союзе в тюрьмах и в концентрационных лагерях находится около 20 миллионов людей. Достаточно, конечно, только назвать эту цифру, чтобы стало ясно, что сочинитель этой клеветнической книги либо полные идиоты, либо патентованные гангстеры. Откуда они почерпнули все эти сведения? Они почерпнули эти сведения от десятка безжалостных из Советского Союза представителей белой колонии, той самой пятой колонии, которую мы успешно уничтожили в Советском Союзе и затем в значительной мере соеблюдатели аграрного фашистского Германии. Мы уничтожили эту пятую колонию, но отдельные недобитые разбойники и баланды, предатели и изменники, гитлеровские агенты ухитрились в некоторых странах, кое-кто из них оказался и здесь, в США, и вот они-то и представили свои якобы воспоминания для клеветнической книги о СССР. Также белогвардейцы, сейчас корчатся здесь на американской земле и тоталитария, чтобы в удобный момент эти люди вытиснули в печать советского народа. И вот эти мутные источники вы, г-н министр юстиции, воспользовались для своих клеветнических выводов против Советского Союза. Вы должны были бы попытаться какую-нибудь услугу Советскому Союзу оказал миру тем, что он на каковую вероломную нападению гитлеровского Германии на СССР оказался в состоянии противостоять ему лицом к лицу, но invece у себя за спиной пятую колонию, которая должна была, по гитлеровскому плану, по плану гитлеровских генералов шагив и разведок, взорвать советский тыл, чтобы обочить Гитлеру победу.

И вот вы, очевидно, недостаточно продавая все то, что под легким горячим впечатлением почеркнули в этой грязной книжке, присели ее сюда в черной комитет, чтобы исподволь в своих клеветнических Советскому Союзу целях. И 10 сентября вы говорили о Южно-Африканском Союзе, потому что считали, что не так-то уж ресь Южно-Африканского Союза в мировых

проблемах, чтобы о нем специально говорить. Но теперь мне стоит кое-что сказать.

Я, во-первых, спрошу вас, г-н Лоуренс: скажите, пожалуйста, не существует ли до сих пор в вашей стране еще так называемое гетто или черта оседлости для индусов или негров? Запрет для чернокожих владения землей и недвижимостью при полном запрете на селиться, например, в Оранже? Ограничения всевозможного рода, в том числе и в избирательном праве? Это все существует у вас? А отдельные голосование индийцев и белых по курьезной системе? А именно всех индийцев пассивного избирательного права и т. д. и т. п. — это все существует у вас?

Все это у вас существует, когда не должно было существовать, хотя бы из того уважения, которое вы должны были бы проявить к принципам организации Объединенных наций, требующих равенства народов, уважения прав национальных меньшинств. Разве мы не знаем такие факты, как, например, бойкот, который европейцы начали против индийских торговцев, — бойкот, который протекал в очень бурных формах. Были случаи, когда, например, в Питерсбурге собирали европейцев постановило бойкотировать индийских торговцев и всех европейцев, входивших в индийские магазины, и европейских женщин, работающих в индийских предприятиях и учреждениях, обитая смелой и обвинять немцев и в таком виде называясь под пням из улиц и базарных площадях. И когда в вашем парламенте по поводу бойкота был сделан вашему министру экономического развития запрос, он заявил, что бойкот индийских торговцев в Южной Африке не входит в число вопросов, касающихся правительства...

Разве это не факт? Разве не факт, что 1 апреля 1947 года в Южно-Африканском Союзе было опубликовано сообщение о том, что муниципальная ассамблея Натала составила проект декрета, предусматривающего создание индийских консультативных советов по различным вопросам и в сфере здравоохранения индийской общины, при чем этой последней не предоставлялось никакого права представительства в муниципальных органах? И разве умеренный лидер индийской общины Каджи, комментируя этот проект декрета, не протестовал, заявляя, что право участия в муниципальных выборах или, еще хуже, гражданство третьего класса, на основе консультативных советов, делает положение индийцев лишь еще более униженным и ухудшает условия их существования? И разве феельмаршал Смит 17 июля 1947 года, говоря об этом самом декрете, не сообщил прессе Дурбан, что общественное мнение еще не созрело для того, чтобы индийцам были предоставлены права муниципального представительства?

Что это такое? Похоже ли это в какой-либо мере на демократию? А вы, вероятно, считаете Южно-Африканский Союз демократической страной? Что же можно сказать о тех европейских, которые установили такой бесчеловечный, несправедливый, беззаконный, антидемократический, дискриминационный режим в отношении национальных меньшинств в Южно-Африканском Союзе?

Некий Гриффин, который разрешил составить на его имя в случае возможности, мне прислал письмо с вырванной из газеты «Френд», в которой описывается обращение в южно-африканских тюрьмах с индийцами — участниками движения пассивного сопротивления.

«Сам я, — пишет Гриффин, — много путешествовал, жил и работал в Америке и Китае. Если вы желаете, можете сослаться на мое имя. Я ссылался на его имя. Вот что пишется в этой заметке из газеты «Френд»:

«Кептаун, повендельштат. Украшенные цветами однанадцать членов движения пассивного сопротивления, среди них три женщины, которые недавно отбыли срок тюремного заключения в Дурбане, вчера вечером присутствовали в качестве почетных гостей на состоявшемся здесь приеме. Главным оратором была г-жа С. Гул, руководительница движения сопротивления Каллиской провинции, которая заявила, что тюремные условия для несправедливы в Дурбане так же плохо, как в Вельдском концлагере.

«Я увидела, что происходит за тюремной решеткой, и была потрясена, — заявила г-жа Гул. — Для неевропейских заключенных там нет ничего, кроме страдания. Это вызывало содрогание».

Тюрьмы расхаживали с ремнями в руках. Однажды она видела, как туземную женщину били по лицу до тех пор, пока у нее не началась припадочная эпилепсия. Ее оказали добротной водой, чтобы привести в чувство, а когда она пришла в себя, она была брошена в камеру одиночного заключения».

Вот, г-н Лоуренс, каковы порядки в вашей стране. Было бы, безусловно, более важно, мне кажется, для вашей практической деятельности, реагировать на такие факты, которые у вас, очевидно, являются своего рода бытовым явлением. Источники, которые я использовал, не ограничивались этой общественной организацией, это чистый источник. Вы же пользуетесь источником мутным, источником не чистым — этой канцелярской и чиновничьей ропоту. Кроме Николаевского и Далина.

В Америке имеется журнал «Ридерс Скоп». В одном из его номеров в 1946 году помещена статья некоего Абрама

Брайда под заглавием: «Южная Африка — родина нефашизма». Здесь рассказывается о деятельности некоего Освальда Пирру, который перед войной был министром юстиции, министром обороны и министром железнодорожного транспорта Южно-Африканского Союза. Как сообщает-

2. Маневры англо-американских защитников войны

Здесь некоторые заявляли, что резолюция СССР будет мертворожденной дитя. Г-н Макнейл держит такой же точный зрелище. Может быть, эта резолюция и не подходит кое-кому, но уже тот самый факт, что по инициативе Советского Союза поставлен этот вопрос на Генеральной Ассамблее, имеет громадное значение. Несмотря на заявление сенатора Остина, требующее решительно отклонить эту резолюцию и самую ее идею, убить ее, как он выразился, Эварт внес поправки к ней. Повторяю: поправки, хотя всем ясно, что это не поправки, а новая резолюция, ибо он говорит: Добавьте к советским четырем предложениям новую преамбулу и вместо этих четырех предложений возьмите мои четыре предложения. И это он называет поправками. Я называю это фокус-покусом. Но такие фокус-покусы могут быть удачны только тогда, когда фокусник достает довок и умеет, а если эти два качества у него в недостатке, то по этому фокусу у него ничего получиться не может.

Но сам тот факт, что австралийская делегация вышла из зала, чтобы резолюцию прикрепить к советским проектам, предлагая поправку к советской резолюции, говорит о том, что у вас, г-н Макнейл, в вашем британском союзе, не все благополучно, ибо это так называемое мертворожденное дитя усвоивается членами вашего так называемого британского союза.

Делегат Южно-Африканского Союза считает советскую резолюцию неподходящей. По почему же, кроме австралийской делегации, еще и канадская делегация предложила резолюцию на эту же тему, в духе той основной идеи, которая защищает советскую делегацию? Почему же французская делегация внесла резолюцию в духе основной идеи советской резолюции, которая требует осуждения пропаганды войны и поджигателей войны? Почему же мы имеем предложение Бенелузу создать подкомитет, который выработал бы на основе всех имеющихся проектов общий текст?

Это говорит о том, что здесь мы имеем дело не с мертворожденными детьми. Хотя вы не правы в пункте советской резолюции, но вы не можете отвергнуть идею борьбы с пропагандой и поджигателями новой войны, потому что народы не поймут таких ваших действий, потому что народы не любят вести в заблуждение тем, что, лежачи, трудно, видите ли, определять самое понятие пропаганды войны, агрессии и т. д. Эти фокусы обречены на провал. Вы знаете, что народы ждут прямого ответа на этот вопрос, выходящий и бесположий сейчас миллионам людей, ответ на который взяли на себя инициативу дать советская делегация и Советский Союз, призывая к этому организации Объединенных наций. Да заявления, которые здесь слышались с разных сторон, что нужно эту резолюцию отвергнуть, что ее даже нельзя обсуждать, что ее нельзя исправлять даже какими-то поправками, — это все нелепо в голый аргументация, не имеющая никакой логики.

Приняв покаянное заявление, что организация Объединенных наций должна сказать свое слово по этому поводу для того, чтобы осудить поджигателей войны и тех, кто пропаганду войны делает своим ремеслом. Поэтому надо было серьезно, более ответственно подойти к этому делу не с точки зрения простой и очень легкой похвальбы, а с точки зрения того, что это предложение советской делегации отвечает жизненным требованиям и интересам народов всего мира, миллионов людей, шпунцих и жмущих этого мира.

Нам говорят, что дело было бы еще уменьшило основной свободы — свободой печати. И вчерта по этому поводу говорили зловольно похвалю. Я должен возразить к этому вопросу вновь.

Те, кто возражает против советских предложений, делают вид, что эти предложения направлены против свободы печати, против свободы слова и что здесь сталкиваются две силы: одна сила, которая защищает свободу слова и печати, и другая сила, которая против этой свободы слова и свободы печати. Вот так изображает некоторые положения. Противящее выступление Остина или пресудация в сегоднешнее выступление Макнейла — ведь так и брызжет эта мысль: вот мы защитники священных свобод, а вот вы, советская делегация, хотите и разрушить эти священные свободы. Я не буду с вами спорить о том, что у нас понятие о самом содержании свободы различно со многим из вас. Например, мы считаем, что если написано, что все люди равны, то это должно означать, что все люди должны быть равны и материально, а не только формально, потому что пользование равными правами, прописанными законом, без материальной основы для этого — это не равенство. Что за равенство, когда оно должно опираться на то, что и Росфеллер и индус могут одинаково начинать под мостом...

Мы понимаем равенство таким образом, что оно опирается на определенную материальную основу. Весь наш советский народ борется за это, за то, чтобы заложить эти прочные основы, построить такой мощный экономический фундамент, который был бы действительно основой гарантии полного равенства. И мы уже достигли многого в этом, когда мы ликвидировали безграмотность — она в нашей стране невозможна: когда мы не имеем кризисов, — они в нашей стране невозможны; когда мы создали условия для того, чтобы мог прогресс, который составляет громадное завоевание советского строя, советской власти и который идет на благо нашему народу — миллионам и миллионам

в этой статье, он признавал значительные державы проводить борьбу в Германии за новый порядок, продолжать борьбу против СССР. И вот г-н Лоуренс берет на нас ирредуцируемые уроки демократии и уважения прав человека. Это, действительно, зрелище, достойное богов.

Ваш народ строит эту экономику. И когда нам г-н Лоуренс читает из обложки наскучившей книжки о принудительном труде в Советском Союзе, что будто бы этот принудительный труд создает советскому экономик, так ведь это же смешно и дико. И смешно, и стыдно — смешно за то, что вот такая глупость написана, а стыдно за то, что ее повторяет министр юстиции Южно-Африканского Союза.

Нам здесь прочли целую проповедь Остина и Макнейла на тему о том, что такое принцип свободы слова. При этом проповедники все время исходили из того, что мы — советская делегация — хотим якобы уничтожить эту святыню, а вместе с ней уничтожить и права человека. Разумеется, это смешное вранье. Советская делегация была бы рада любой выклад против самих основ того, что гарантирует якобы американскому народу «блаженство действительной свободы». Вам это кажется блаженством, но мы от этого блаженства не восторго. Но это дело вкуса. Здесь хотел изобразить лево так, что Советский Союз требует, чтобы каждый индус или белый, как сказал Остин, соглашался с мнением и идеями «нацистской мелочливости», чтобы не было свободной информации, чтобы не было свободного распространения мнений, чтобы судья, как говорил Остин, мог «позабить» руки на мыслях и слова народа». Остин же того увлекся размахивал этой картиной, что заявлял, что там, где судья применяет репрессии против конкретной свободы, там нет закона, и что в таком случае остается одна альтернатива: «восстание или революция».

Так Остин пугает доверчивых слушателей страшными словами. Хотя, разумеется, сам он понимает, что это несерьезно, потому что его слова не соответствуют действительности, потому что ему хорошо известно, что в демократических государствах судья самым законом полномочен применять наказания не против конкретной свободы, а против злоупотребления свободой. Когда судья осуждает преступника, совершившего преступление, и приговаривает его к тюремному заключению, то, конечно, он ограничивает свободу преступника, но он ограничивает не свободу, как таковую, а свободу этого преступника, который не умеет пользоваться свободой, какой пользуются все другие граждане, уважающие законы своей страны.

Это же все אותו понятие, и почему же в таком случае нам говорят такие вещи, что будто бы, если судья будет применять репрессии против конкретной свободы, то нет закона? Это только потому так говорят, что хотят изобразить дело так, что советские предложения настраивают на ограничения свободы. Испинте, пожалуйста, господа. Мы настаиваем на ограничении произвола в пользовании свободой, на пресечении злоупотреблений свободой, а не на ограничении пользования свободой. И именно наставая на том, чтобы было ограниченное злоупотребление свободой, мы тем самым защищаем полную свободу. Не принимайте же пом, таким образом, того, чего мы и в мыслях не имеем. Не возвращайте наши предложения.

Сенатор Остин знает это, но крайней мере, должен знать, что никаких безграничных свобод не существует и что законодательства разных демократических стран предусматривают также совершенно неизбежные и очень важные ограничения этой так называемой «конкретной свободы».

Вспомню со мной Остин привел примеры из практики американского судьи Холмса. И еще раз внимательно просмотрел и остальные случаи, о которых говорил здесь Остин, и должен сказать, что еще больше убеделся в том, что я правильно излагал Холмса потому, что юридический анализ, который здесь был представлен Остином, не выдерживает никакой критики.

Остин нам говорит: вы хотите ограничить свободу слова, свободу печати, но ведь ведь может случиться тем, что в конце концов вы будете мешать людям благодать, сравнивать, противопоставлять одно другому, думать и, как он выразился дальше, напечатать друг друга свои полноты мнения. Получается по Остину какое-то неопределенное положение, когда хотят ограничить право людей «делиться своими мыслями с кем бы то ни было» или, как говорит Остин, «напечатать» даже как-то мысли. Остин изображает дело в очень уж плавном свете, рисуя чуть ли не идеальную картину.

Оказывается, этот Эрт, чудовищные слова которого, вероятно, у всех в памяти и который вторично подтвердил свой призыв сбросить атомные бомбы на СССР, просто «напечатывает» кому-то свои мысли. Это всевозможного такой, знаете, забавный аркадийский пастушок... П Итон, и Бирне, и Буллэт, и Дин, и Брукс, и Харвуд, и Черчилль, — все это аркадийские пастушки, такие простушные, которые просто напечатывают какие-то неопределенные вещи, и их хотят за это напечатать, приравнять к порядку, а может быть, даже назвать. Правда, Остин в своей речи заявил, что им, этим пастушкам, нехватает смирительных рубашек, чтобы удерживать их в уздечках. Но — успокаивает Остин — это придет с возрастом, в результате, как он выражается, естественного роста их внутренних убеждений.

Оказывается, этот Эрт, чудовищные слова которого, вероятно, у всех в памяти и который вторично подтвердил свой призыв сбросить атомные бомбы на СССР, просто «напечатывает» кому-то свои мысли. Это всевозможного такой, знаете, забавный аркадийский пастушок... П Итон, и Бирне, и Буллэт, и Дин, и Брукс, и Харвуд, и Черчилль, — все это аркадийские пастушки, такие простушные, которые просто напечатывают какие-то неопределенные вещи, и их хотят за это напечатать, приравнять к порядку, а может быть, даже назвать. Правда, Остин в своей речи заявил, что им, этим пастушкам, нехватает смирительных рубашек, чтобы удерживать их в уздечках. Но — успокаивает Остин — это придет с возрастом, в результате, как он выражается, естественного роста их внутренних убеждений.

Процесс гитлеровских палачей из бывшего концлагеря „Заксенхаузен“

БЕРЛИН, 29 октября. (ТАСС). За заседание Военного Трибунала были допрошены подсудимые Брешаид, Зорге, Шуберт, Кинтлер, Фиккер, Геммель, Златгофф, Заксовский, Цанлер, и утром 28 октября начался допрос свидетелей.

На четвертом заседании Военного Трибунала 28 октября продолжился допрос свидетелей.

Свидетель Цанлер Фрэнк, проживавший в лагере «Заксенхаузен» как авторитарист с сентября 1938 года по апрель 1945 года, т. е. вплоть до освобождения лагеря Советской Армией, рассказал о преступных «экзекуциях», которые проводились над заключенными в лагере. Так, в 1939—1940 г.г. в большом лагере производились эксперименты с газом, вызывавшим сильные ожоги. Весь хол больницы занесли на фотопленку, при чем одна серия фотоснимков была направлена Гиммлеру.

Свидетель Гирнзе привел ряд фактов бесчеловечного отношения в лагере к заключенным. Так, если кто-либо из заключенных предпринимал попытку в бегству, то весь лагерь должен был стоять в стойке «мирно» до тех пор, пока не находили заключенного. «И сам, — говорит Гирнзе, — вместе с заключенными всего лагеря простоял при 20-градусном морозе в течение 24 часов».

Свидетель рассказывает далее о зверских методах умерщвления заключенных, применявшихся в лагере «Заксенхаузен». Заключенных топтали в бассейне с водой раздетого донага заключенного направляли в область сердца сильную струю воды из брандспойта, и это продолжалось до тех пор, пока заключенный не умирал от разрыва сердца. В этих экспериментах и убийствах принимали участие подсудимые Кинтлер и Фиккер.

Когда покровы сорваны

Потомки наши, переиздавая историю этих лет, в изумлении остаются перед преступными фашистами. Они узнают о злодействах, перед которыми неметет простого человеческого языка, они прочтут о деяниях, которые не уместятся в социальном обычном человека. Ни утонченная жестокость древних сатиров, ни пытки средневековья, — ничто не может сравниться с той кровавой практикой истребления, которую явил гитлеризм. Если бы кто-нибудь взял на себя труд осветить все способы умерщвления, примененные только в одной из сотен фашистских фабрик смерти — в «Заксенхаузен», то пришлось бы составить тощий том.

Палачи «Заксенхаузена» творили свои преступления в тайне. Они не распустили, что мир когда-либо узнает о пещерах, о банях, об индустриальном дворе, об опытных станциях, которые были созданы с единственной целью — уничтожить. Они пытались замести свои преступные следы, когда разгром «третьей империи» стал слишком очевидным и когда ветер с востока каждый день стал доносить до них зло капанов. Снежно разбирался прилежательный газетный камер, крематорий и той страшной комнаты, где жертвы ставили спиной к стене для «измерения роста» и где человек падал замертво от выстрела, произведенного через проломный разрез в стене из «механического помещения». Но преступники не утратили выполнения своего замысла: войны Советской Армии освоили их за рука...

Для нас, сидящих здесь, в зале суда, нет тайны «Заксенхаузена». Есть страшная боль, и она становится достоянием гласности. Шестнадцать преступников вынуждены признать совершенные ими злодеяния под давлением всепроникнувших улик. С каждым новым вопросом преследующего и государственного обвинителя всплывают новые подробности, новые кровавые детали. В зале разлетается возмущения, когда бывший командант концлагеря Кайндл, отративший круглолицый пыткой в зеленой куртке, рассказывает о массовых казнях, когда палач с богами уголовным прошлым, бывший портфюрер Зорге говорит о том, что он гордится кличкой «железный Густав». Да Зорге убийства были своеобразным спортом. Он не мог не убивать и не пускать узинок. Он загубил так много жизней, что память его не отмоется отмыть никакими убийствами. Когда его уличают в том или ином преступлении, то он не только говорит: «Я точно не помню, по такой случай мог быть...»

На лицах шестнадцати палачей нет раскаяния. Подсудимый Шуберт, кривя рот в пылкой улыбе, даже с некоторым удовольствием рассказывает о том, как припадал одному полку поверженцы лагеря и в комнате с молотком, веревками и гвоздем, и как он заставил двух других узинок утончить. Он говорит о расстреле, как о последованных миллионах. С наглым видом палача, который преступил в своем ремесле, он сообщает суду, что в один день расстрелял его пятьдесят советских военнопленных. В другой день — тоже более сотни, в третий день — несколько десятков и т. д.

На суде раздается русская, немецкая, польская, чешская речь. 28 октября начал давать свои показания свидетель. Люди сороба семи национальностей содержались в «Заксенхаузен». И теперь некоторые из тех, которым удалось избежать мучительной смерти, приняла судьба.

Судебный процесс в гор. Бобруйске

БОБРУЙСК, 29 октября. (ТАСС). Вечернее заседание суда 28 октября началось допросом подсудимых. Первым делом показана майор Курз Кнольга — член фашистской партии с 1932 года. По его показаниям распространялись советские люди в деревнях Дзегуны, Томашовка, Пруды, Россони Польшкой области и во многих деревнях Смоленской области. Контроль признает, что команда скрамным батальоном, он приказал расстрелять около 200 мирных советских граждан.

чтобы словами очевидцев рассказать о длинной цепи преступлений, совершенных шестнадцатью палачами. Их рассказы бесспорны. Они много пересели и много увидели. Они сами становились объектами садистских экспериментов какому-нибудь Кайндла, Цанлера, Зорге, Фиккера. Здесь, в зале суда, моголой палаче с Черниговщины Фаотр Кувенко назвал, воевание, палачей, которые творили расправу над тысячами его соотечественников. Здесь свидетель Саченко указал на Зорге-эсэсовца, который избил его стальной палкой. «Железный Густав» явно не ожидал, что на суде появится человек, который некогда был одной из его жертв. Он неправо ервет на своем месте. Но он по может отрицать, что железный палачик топтал узинок. Свидетель поляк Юлиус Соботчинский глазами видел, как подсудимый Фреман, бывший начальником филиала концлагеря при заводе «Канкербергер», застрелил американского летчика, сделавшего вынужденную посадку. Юлиус с волнением рассказывает суду в том, что излюбленным способом умерщвления в «Заксенхаузен» было убийство «спра попытке к бегству»...

Преступления в лагере смерти «Заксенхаузен» вызывают справедливые гнев и возмущение всех искренних демократов. В здание суда продолжают приходить люди различных возрастов и национальностей, которые обращаются к трибуналу с предельно ясным свидетельскими показаниями. Имя Жажига, пожелав французскую из Парижа, участвую денегия сотрудничества, — в петличке ее черного жакета красная звезда орена Почетного легииона, — которая сама испытала все ужасы фашистской неволи, заявила вашему корреспонденту:

— Я в Берлине прощала, но я должна была прийти сюда. Я рада видеть, что эти преступники на скамье подсудимых и что над ними совершается справедливый суд.

Однако находятся в Берлине господа, которым не нравится, что палачи «Заксенхаузена» должны держать ответ за совершенные ими злодеяния. Их больше бы устраивало, если бы эти шестнадцать преступников проповеди свой доус к так называемым «лагерям» в английской и американской зон Гормании, — лагеря, которые недаром получили прозвище... «дома отдыха для эсэсовцев».

Атмосфера фашизма уже начала вокруг процесса в Берлине снова подниматься работу. Их сфера — провокационные слухи, двусмысленные статьи в газетах, лживые упрямые англичанам и американцам. Эти господа больше озабочены душевными переживаниями Кайндла, «железного Густава» и Заксовского, чем мучениями тысяч людей, которые пали их жертвами. Характерно, что реакционные элементы повторяют в печати убогую аргументацию палачей фашистских преступников, фигурировавших в последние годы в качестве подсудимых на судебных процессах и пытавшихся все совершенные ими злодеяния приписать простому «выполнению приказа» Гиммлера и других фашистских начальников.

Пет сомнения, что процесс кроковителей фашизма потерпит провал. Не для того партии отразит победу над фашизмом, чтобы тюрьмы, остались безнаказанными.

Н. ПОЛЯНОВ,
степ. корр. «Известия».

Судебный процесс в гор. Старлино
Сегодня на утреннем заседании Военного Трибунала начались показания свидетелей. Председательствующий — генерал-майор юстиции Ф. Ф. Каравайков представляет слово государственному обвинителю полковнику юстиции П. Ф. Семашко.

Подробно характеризовал преступные действия каждого из подсудимых, государственный обвинитель говорит:

— Мы законом гордимся тем, что наша страна в борьбе против фашизма спасла человечество от рабства и гибели, а мировую культуру — от разрушения. Мы заслужено гордимся той авангардной ролью, которую занимает наша страна в современном мировом общественном развитии, отстаивая и защищая дело мира и дружбы между народами. Отмена смертной казни в широком мире является новым проявлением демократизма советской об-

щественной и государственной системы и свидетельством ее превосходства.

Государственный обвинитель требует приговорить всех 12 преступников к лишению свободы сроком на 25 лет каждого.

На вечернем заседании выступил адвокат, закончивший показаниями А. Ф. Мишустин, С. Е. Мелитов и А. И. Зарыный.

Прения сторон закончились. Председательствующий предоставляет последнее слово подсудимым. Крач, Роттер, Гаарува, Ренке, Игов, Леснер, Рех, Цанлер, Вязьгольм и Герштинг, признавая себя виновными в совершенных злодеяниях, просят суд учесть им меру наказания.

П. ХАРЧЕНКО,
степ. корр. «Известия».

г. СТАЛИНО, 29 октября. (По телефону).

(Окончание следует)